

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**«СОВЕРШЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ОТ ВСЕХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ
БЕСПОКОЙСТВ». РУССКАЯ АРМИЯ
В МЕКЛЕНБУРГЕ В 1712–1719 ГОДАХ**

НА ФОНЕ грандиозных событий Великой Северной войны (1700–1721) пребывание русской армии в Мекленбурге (Мекленбург-Шверине) кажется маленьким и незначительным эпизодом. Большинство исследователей, изучавших историю этой войны, начинают с описания Нарвской «конфузии» (в ноябре 1700 г.), подробно останавливаются на дополтавском и полтавском этапах войны. Военные действия после неудачного Прутского похода 1711 г., за исключением морских побед при Гангуте и Гренгаме, как правило, лишены детализации и воспроизводятся лишь в общих чертах. В качестве примера достаточно привести претендующую на академизм историю Северной войны. Русско-мекленбургскому союзу в ней отведено... три строки!¹ В других современных исследованиях достаточно подробно освещается Померанский поход русской армии, подготовка десанта на территорию Швеции, но о событиях в Мекленбурге вообще не упоминается².

Между тем, пребывание русских войск в Мекленбурге и союзные отношения Петра I с герцогом Карлом Леопольдом составляли один из самых острых вопросов европейских международных отношений во второй половине 1710-х гг. Перспектива русского господства над западной частью Балтийского региона и над выходом из него в Северное море превращала «мекленбургский вопрос» в краеугольный камень, на котором испытывались отношения России в ее роли первостепенной державы с рядом европейских государств.

Мекленбург-Шверинское герцогство в начале XVIII в.

Датский король Фредерик IV

Отвлечение основных сил стран – участниц антишведской коалиции – России, Саксонии и Польши (Речи Посполитой) – на войну с Турцией весной – летом 1711 г. сказывалось и на обстановке в Германии. Датский король Фредерик IV, вновь вступивший в войну после Полтавской победы, был разбит шведами 28 февраля 1710 г. у Хельсингборга. Под предлогом отсутствия средств на формирование новой армии король всячески уклонялся от испол-

нения своих союзнических обязательств. Кроме того, датского монарха абсолютно не устраивало усиление русского влияния в Балтийском регионе.

После заключения Прутского мира 1711 г. с Османской империей Петр I стал перебрасывать свои войска на север Польши и заставил активизироваться датчан. В конце июля 1711 г. датская армия, предварительно оккупировав под предлогом защиты от шведов Шлезвиг-Гольштейн, вторглась в Мекленбург. По согласованию с Саксонией и Россией объединенные войска союзников должны были осадить Штральзунд – главную шведскую крепость в Померании, граничившей с Мекленбургом. Датский король настоял на том, чтобы его войска осадили Висмар – крепость, расположенную на границе его владений. В 1711–1712 гг. русско-датско-саксонские войска находились в Померании, Бремене, Вердене и под Висмаром. Союзников раздирали противоречия, поскольку каждый намеревался захватить максимальное количество шведских владений в Северной Германии, заявить на них свои права, а затем использовать как предмет политичес-

кого торго. Петра I беспокоили слухи о переговорах между шведами, датчанами и саксонцами о сепаратном мире³.

Ситуация резко изменилась, когда 4 ноября 1712 г. у Штральзунда высадилась шведская армия под командованием фельдмаршала Магнуса Стенбока. Саксонцы, уклоняясь от боевого столкновения, отошли от крепости. Причем пехота была отослана в Польшу, а кавалерия двинулась на соединение с датчанами в Мекленбург.

Петр I

Петр I писал 12 ноября из Дрездена датскому королю, чтобы тот приехал к своим войскам и соединился с русскими для нападения на неприятеля. Несмотря на требования врачей закончить курс лечения после приема минеральных вод, царь обещал немедленно выехать к армии⁴. Командующему русскими войсками в Померании князю А.Д. Меншикову царь приказывал атаковать шведов, если их будет менее 20 000 чел., не дожидаясь подхода датчан⁵.

Однако сложилась совершенно другая ситуация. Стенбок, присоединив к своей армии часть штральзундского гарнизона, силами в 12 000 чел. при 20 орудиях выступил из крепости в направлении Шверина в Мекленбурге. По дороге шведы захватили Росток. Шведский фельдмаршал намеревался деблокировать Висмар и выбить датско-саксонские войска из Бремена и Вердена.

Датско-саксонская армия находилась в это время в Гадебуше и Гюстрове в северо-западном Мекленбурге. Датчан было 13 200 чел., а саксонцев – 3800. Армией командовали сам король и саксонский генерал-фельдмаршал Я.Г. фон Флемминг. Рус-

**Шведский фельдмаршал
Магнус Стенбок**

ские войска занимали квартиры за реками Нёбель и Реквиц.

Царь, прибывший к тому времени уже в Гистроу, спешно отправил нескольких курьеров с рекомендациями не вступать в сражение до подхода русских сил, тем более что они находятся всего лишь в трех милях от союзников. Однако «господа датчане, имея ревность не по разуму», как писал позднее Петр, вступили в битву 9 декабря 1712 г., не дождав- шись русских полков, и были наголову разбиты⁶.

После этой победы Стенбок вторгся в Голш-

тинию, взял контрибуцию с Гамбурга и в конце года сжег принадлежавшую датчанам Альтону (ныне один из гамбургских районов)⁷.

Узнав о поражении союзников, Петр вернулся назад в Гистроу, куда датский король приехал с просьбой о помощи.

Первоначальные планы вывести основные русские силы, в том числе и гвардию, под командованием А.Д. Меншикова в Лифляндию, оставив в Померании корпус генерала Никиты (Аникиты) Ивановича Репнина⁸ в количестве двадцати пехотных и драгунских полков, пришлось пересмотреть. Вся русская армия была вынуждена остаться на зимовку в Померании и Мекленбурге⁹.

В начале 1713 г. русские войска двинулись за шведами в Голштинию, разбили их при Швабштеде и прогнали из Фридрихштадта.

Итак, первый раз русские войска вошли в Мекленбург в ходе военных действий на территории Северной Германии в нояб-

ре 1712 г. О стратегическом значении этой территории русского дипломата князя Б.И. Куракина в это же время предупреждал знаменитый имперский военачальник принц Евгений Савойский. Полководец заявил, что если шведские войска займут Мекленбург, то это приведет к их усилению. Поэтому неприятеля надо искать и принуждать к биталии. Когда, якобы, посланник прусского короля предупредил шведского генерала Стенбока, что вступление его армии в Мекленбург будет расце-

Генерал Н.И. Репнин

нено как нападение на часть империи, тот заявил, «что не знает ни цесаря, ни цесарство, ни их членов, но хочет вверх тому последовать, как указы короля его повелевают». Таким образом, занятие Мекленбурга русскими войсками, по мнению принца, будет воспринято при венском дворе как меньшее из двух зол¹⁰.

Русский посланник при венском дворе И.-Х. Урбих сообщал канцлеру Г.И. Головкину в ноябре 1712 г., что опасение от вступления шведов в Мекленбург таково, что мекленбургский посланник в Вене открыто просит о вводе русских войск в герцогство. При этом высказываются надежды, что русские не причинят ущерба и будут (или хотя бы пообещают) платить за провиант и фураж¹¹.

В Мекленбург, формально соблюдавший нейтралитет, вошли русские войска под командованием генерал-фельдмаршала князя А.Д. Меншикова. Это было сделано под предлогом защиты герцогства от возможного захвата его шведскими силами.

Пребывание здесь огромной русской армии вызывало ряд проблем с размещением и питанием. О том, что русские войска

в Померании испытывали проблему с продовольствием и фуражом, отмечается в «Военно-походном журнале» генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева¹². Меншиков сообщал Петру о трудностях с продовольствием и о том, что солдаты в осадном лагере под Штральзундом вынуждены питаться кореньями¹³.

В ноябре 1712 г. Петр I писал князю А.Д. Меншикову: «О пропитании наших людей в Мекленбургской земле сумневатца не надобно, ибо шведы зачали и берут не только провиант и фураж, но и деньги. И для того свободно и нам брать, только зело надлежит з добрым порядком и чрез доброго камисара»¹⁴.

В то же время, по сравнению со шведами, русские войска отличались дисциплинированностью. Позднее гофмаршал мекленбургского герцога барон Эйхгольц вспоминал о том, какой превосходный порядок русские соблюдали в 1712 г., при том, что «поддержание этой дисциплины ничего не стоило, кроме лучшего коня из герцогской конюшни, со сбруею, купленною в Париже за 1800 талеров, и кошелька с 1000 червонцами, доставшимися в подарок главнокомандующему кн. Меншикову»¹⁵.

Тем не менее положение герцогства было незавидным. Оно разорялось войсками воюющих держав, которые никакого внимания не обращали на его нейтралитет.

В начале февраля 1713 г. шведские войска под командованием Стенбока заняли голштинскую крепость Тённинг. Вслед за шведами туда подошла и союзная русско-датско-саксонская армия, осадила крепость и после года осады принудила шведов к капитуляции.

В сентябре 1713 г. капитулировал шведский Штеттин. А.Д. Меншиков заключил с Пруссией мирный договор. В обмен на нейтралитет и денежную компенсацию Пруссия получила Штеттин, а шведская Померания была разделена между Пруссией и Голштинией (союзницей Саксонии).

В том же году произошло событие, способствовавшее усилению русского влияния в Северной Германии и, в частности, в Мекленбурге. 31 июля 1713 г. правящий мекленбург-шверинский герцог Фридрих Вильгельм I скончался, возвращаясь из Шлангенбада близ Майнца. Несмотря на то что от многочисленных любовниц герцог имел как минимум девятерых детей, его законный брак с Софией-Шарлоттой Гессен-Кассельской, дочерью ландграфа Карла Гессен-Кассельского оказался бездетным.

Заметим, что в 1692 г. Фридрих-Вильгельм также наследовал своему бездетному дяде – герцогу Кристиану Людвигу I Мекленбургскому.

На престол вззошел 35-летний младший брат покойного – Карл Леопольд¹⁶, который до этого принимал участие в военных походах шведского короля Карла XII. Мекленбуржец не только восхищался шведским абсолютным монархом, но и подражал ему в одежде, жестикуляции и манере речи. Вскоре он прослыл чудаком, за что принц Евгений Савойский называл его «обезьяной Карла XII». Кроме того, новый герцог

Герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский

был человеком скандальным, отличался лживым, высокомерным и непостоянным характером, требовал от окружающих слепого повиновения. При этом он отличался крайней скупостью, его любимая поговорка была: «Старые долги не надо платить, а новым надо дать время состариться»¹⁷.

Карл Леопольд был женат трижды. Его первой супругой стала София Хедвига Нассау-Дицкая, дочь Генриха Казимира II Нассау-Дицкого. Брак был расторгнут в 1710 г. по причине, якобы, бесплодности супруги. Затем Карл Леопольд сочетался морганатическим браком с Кристиной Доротеей фон Лепель. Брак оказался несчастливым, и Кристина вскоре уехала в Любек к своей матери.

Намереваясь установить абсолютистскую власть в герцогстве, Карл Леопольд пытался ограничить права дворянства и городов, безжалостно вводил новые налоги, начал создавать регулярную армию. Стремление подражать политике своих современников – королей Швеции и Пруссии – принимало у герцога «мелочные и уродливые формы»¹⁸.

С недовольными он поступал самым безжалостным образом: бросал их в тюрьмы без суда, лишал имущества, отправлял на эшафот.

Ради достижения своих целей он был готов перейти в католичество, надеясь при этом получить руку одной из австрийских эрцгерцогинь, а в качестве приданого Неаполитанское королевство или Нидерландские владения. Впрочем, ходили слухи, что герцог искал руки и шведской принцессы¹⁹.

Вступив на престол, герцог не преминул пожаловаться русскому государю на действия его войск в Мекленбурге, от которых страдает население. Герцог писал царю, что его покойный брат, объявив о нейтралитете герцогства, вынужден был терпеть огромные убытки от поборов воюющих сторон, которые превысили несколько миллионов талеров. С его смертью ситуация не изменилась. Петр отвечал, что «не мы (т. е. русские. – *Авт.*), а наши неприятели шведы к сему причину и случай подали». Русская армия вынуждена преследовать неприятеля, куда бы он ни пошел. Поэтому весь убыток и вред, который от этого происходит герцогству, надо приписать шведам и от них же требовать компенсации. В этом русский монарх обещал охотно и сколько возможно помогать Карлу Леопольду²⁰.

Аналогичный ответ Петр I дал и на претензии императора Карла VI, объясняя все «резонем воинским и натуральными правами» преследовать шведов, которые и должны возмещать убытки нейтральному герцогству²¹.

В 1714 г. в Швецию вернулся фактически высланный из Османской империи Карл XII и военные действия возобновились с новой силой. Центром военных действий стал Штральзунд, оборону которого возглавил сам король. В мае 1715 г. в ответ на требование о возвращении Штеттина и других территорий Пруссия объявила Швеции войну.

Осенью 1715 г. вместо отозванного с театра военных действий командующего князя А.Д. Меншикова во главе русской армии Петром I был назначен опытный генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев. Дело в том, что в предыдущую кампанию действия Меншикова вызвали сильное неудовольствие у датчан и основательные сомнения в бескорыстности его услуг прусскому королю. Кроме того, светлейший князь оказался под следствием, подозреваемый в огромных злоупотреблениях и казнокрадс-

тве, и лишился доверия царя.

Теперь русская армия была разделена на два больших корпуса. Первым командовал генерал князь Н.И. Репнин. Корпус состоял из Первого и Второго гренадерских полков, а также из пехотных полков: Бутырского, Смоленского, Черниговского, Ренцелева, Белгородского, Пермского, Ярославского, Нарвского и Невского²².

Второй корпус был отдан под начало генерала А.А. Вейде²³

и включал в себя Гренадерский полк, которым командовал сам Вейде, Лефортовский, Киевский и Вятский пехотные полки. При полках находилось необходимое количество артиллерии с боеприпасами²⁴.

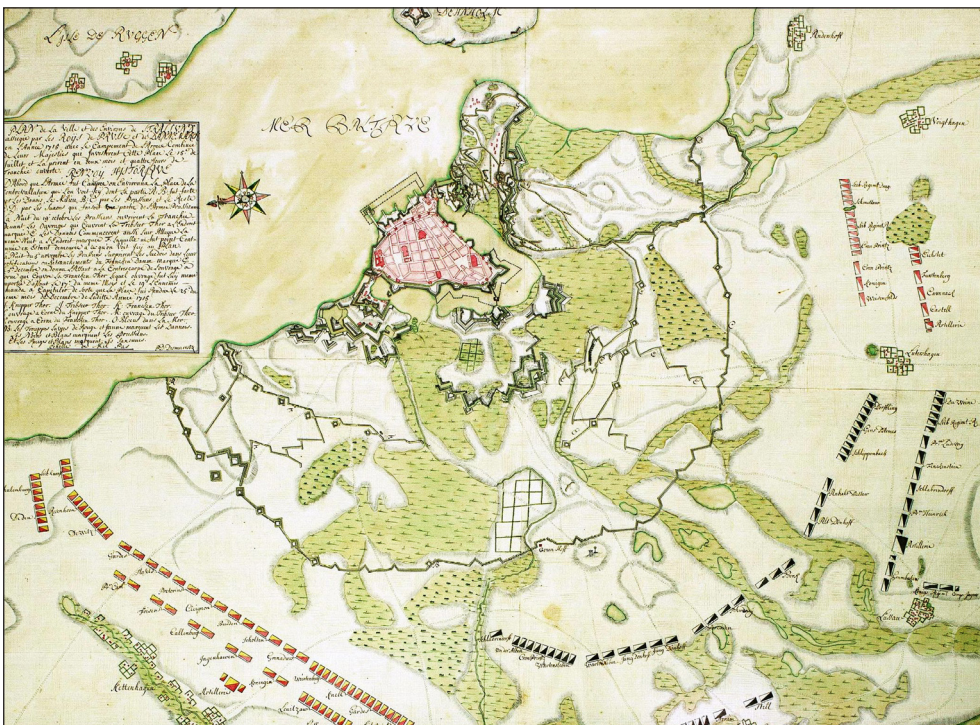
Тремя драгунскими полками (Киевским, Пермским и Новотроицким) командовал генерал-поручик Родион Христианович Боур (Баур). Численность конных полков по приказу Петра I должна была быть не менее 1200 чел. в каждом²⁵.

Все эти подразделения шли через Польшу своими маршрутами и соединились в октябре 1715 г. в Палтуске. Оттуда русская армия двинулась в Померанию²⁶.

Датский флот тем временем одержал победу у Фемарна, а затем у Бюлка. После этого Пруссия и Ганновер, захвативший шведские владения Бремен и Верден, заключили с Данией союзный договор. В конце декабря 1715 г. союзная русско-датско-саксонско-прусская армия под командованием прусского генерал-фельдмаршала Леопольда Анхальт-Дессау взяла Штральзунд.

Шведский король Карл XII

План осады Штральзунда. Гравюра 1715 г.

Параллельно с этими событиями велись переговоры о брачном союзе между новым мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом и одной из племянниц царя. В 1714 г. к Петру I в Ревель прибыл герцогский посланник барон Г.Б. Габихтсталь с предложением заключить брачный договор между Карлом Леопольдом и вдовствующей курляндской герцогиней Анной Иоанновной (дочерью покойного брата и соправителя русского государя Иоанна V Алексеевича).

Генерал-поручик Р.Х. Боур

Герцог надеялся вместе с брачным венцом получить в качестве приданого и саму Курляндию. Однако Петр I был очень расчетливым человеком, в качестве кандидатуры он предложил родную сестру Анны – царевну Екатерину Ивановну (Иоанновну). Выевые попытки Габихтсталя настоять на кандидатуре Анны разбились об угрозы Петра I отправить дипломата без лишних слов в Сибирь.

Как полагают некоторые исследователи, такой династический союз был вполне обусловлен не только политическими предпосылками, но и традиционными русско-мекленбургскими связями²⁷.

Тем не менее опытный дипломат князь Б.И. Куракин предупреждал Петра I, что брак русской царевны с герцогом Мекленбургским противен интересам английского двора, а развод Карла Леопольда с Софией Хедвигой еще не утвержден императором. «Не знаю, – писал Куракин, – можно ли получить столько же пользы от герцога Мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можно потерять»²⁸.

**Герцогиня Екатерина Ивановна
Мекленбург-Шверинская**

Находившемуся в незавидном положении герцогу выбирать не приходилось. 22 января 1716 г. в Петербурге был составлен брачный договор. Герцог Карл Леопольд обязался предоставить своей супруге свободное отправле- ние веры греческо- го исповедания, также и всем ее служителям, и назначить место для построения «*надворной капеллы*» (т. е. домово- вой церкви); обязался еже- годно выплачивать ей по 6000 ефимков шка- тульных денег и давать содержание придвор- ными служителям; в

случае вдовства герцогиня получит ежегодно по 25 000 ефимков и замок для жительства. Царь обещал снабдить свою племянни- цу надлежащими «*ювелиями*» (ювелирными изделиями), плать- ем, уборами и экипажем. Кроме того, он обязался содействовать всеми силами, чтоб герцог получил Висмар со всеми владения- ми, также Варнемюнде. Для этого Петр обещал послать к Висма- ру корпус своих войск, а в случае неудачи заплатить ему не ме- нее 200 000 рублей²⁹.

В феврале Петр I с царицей Екатериной Алексеевной и ца- ревной-невестой Екатериной Ивановной прибыли в Данциг, где находилась главная квартира русского генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Туда же приехал герцог Карл Леопольд, а так- же польский король и саксонский курфюрст Август II Сильный.

Пышная свадебная церемония состоялась в Данциге 8 апреля 1716 г. Герцог нацепил на себя по шведской моде здоровенную шпа- гу, при этом забыв надеть манжеты, что вызвало недоумение даже у простолюдинов. Выходя из кареты, Карл Леопольд зацепился па-

риком за обивочный гвоздь и должен был стоять несколько минут с непокрытой головою посреди народа, покуда гофмаршал Эйхгольц не снял парик с гвоздя и снова надел ему на голову³⁰.

Свадьба совершилась в четыре часа дня в присутствии российского государя, его супруги, польского короля, министров и придворных. Обряд венчания по православному обряду совершил архимандрит Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге и любимец царя Феодосий Яновский. Закончилось все фейерверком, во время которого царь лично поджигал ракеты³¹.

В день свадьбы был подписан союзный договор между Россией и Мекленбургом, в который вошли и все пункты брачного соглашения.

В секретных артикулах к договору предусматривалось выделение девяти или десяти пехотных полков в помощь герцогу, содержание которых за исключением денежного жалования брал на себя мекленбургский правитель. Царь мог заменять эти войска на другие, а также использовать их для своих военных операций. Герцогу гарантировалась дипломатическая поддержка при императорском и других европейских дворах, в том числе и от притязаний местного дворянства, а также «совершенная безопасность от всех внутренних и внешних беспокойств». Русские получали свободу торговли и пользования портами на территории герцогства, права свободного прохода военных сил через территорию герцогства и использование его гаваней военным флотом³².

Придворные поэты тут же обосновали единство древних кореней мекленбургской (вендской) династии и русского народа:

Что ты, о Мекленбург, весь воссиял от счастья?
Твой высочайший Князь сам светится, как солнце,
В супруги герцогиню выбрал он себе,
И в том весь Мекленбург нашел свое богатство,
Что Рус и Венд соединились в браке вновь.
Все стало, как и прежде, как при Ободритах,
Когда держал наш Мекленбург и трон, и скипетр:
И власть у нас от тех Рифейских Ободритов,
Оттуда, где и ныне правит Русский царь.
И им благодаря, во время войн и мира,
Мы были в прочной дружбе, браком скреплены.
Сегодня же напомнить должно то,
Что были Венд, Сармат и Рус едины родом³³.

Спустя несколько дней польский король устроил для высоких гостей прием с различными развлечениями и забавами: «Мясники, езда на лошадях, рвали голову от живого гуся, который был повешен за ноги на протянутой веревке; також плотники корабельные с топорами танцевали, да на высоком столбе положено было несколько денег и мундиру, на который лазил старик без лестницы и достал все»³⁴.

Однако эти увеселения никак не могли скрыть весьма прохладного отношения герцога к своей супруге и ее русской свите.

Между Екатериной Ивановной, отличавшейся веселым нравом, но не имевшей практически никакого образования, а тем более европейского воспитания, и Карлом Леопольдом отношения не сложились с самого начала. Герцог относился к «варварскому» браку как к вынужденной мере. Темпераментная и не блестящая манерами московская царевна явно не смогла покорить чопорную мекленбургскую знать, находившуюся в состоянии перманентного конфликта со своим правителем. В скором времени за Екатериной Ивановной закрепилось пренебрежительное прозвище – *«Die wilde Herzoginn»* («Дикая герцогиня»)³⁵.

12 мая 1716 г. русский царь приехал к Карлу Леопольду в Шверин. Специально к приезду Петра покои во дворце оббили красным бархатом и шпалерами. Навербованные по приказанию герцога войска стояли парадным строем при въезде Петра. Впрочем, впечатлили они не столько русского монарха, сколько самого герцога. Проезжая мимо строя, Карл Леопольд всячески выражал свое удовольствие при виде столь прекрасных солдат. Царь был принят в мекленбургской столице с императорскими почестями. Ему отведены были лучшие комнаты во дворце.

Однако, когда на следующее утро Эйхгольц явился к царю для поклона, он не нашел никого в передних покоях монарха. Проходя чрез несколько комнат и не встречая никого, он вошел в приготовленную для августейшего гостя спальню и увидел, что кровать осталась нетронутой. Вдруг он услышал, что кто-то ходит по потаенной лестнице, пошел по ней и застал царя под крышей дворца, в простой каморке, приготовленной для его камердинера, в кровати которого Петр и изволил почивать³⁶.

Как известно, Карл Леопольд начал формировать собственную регулярную армию. При этом в личную гвардию он, вероят-

Шверин. Гравюра второй половины XVII в.

но беря пример с прусского короля Фридриха Вильгельма I, зачислял высоких солдат с пышными усами.

Тот же Эйхгольц рассказывал: «В Шверине царь любил обедать в герцогском саду, из коего прекраснейший вид на Шверинское озеро. Герцог всегда требовал, чтобы его дворцовый караул занимал все посты. Эта герцогская гвардия состояла из людей исполинского роста, с огромными усами, и чем они видом были страшнее и суровее, тем более нравились герцогу. Во время обеденного стола всегда четверо стояли тут с обнаженными шпагами. Царь, любя быть без принуждения и не на виду, неоднократно просил герцога избавить его от этих излишних почестей; но не успел в своей просьбе. Однажды вечером, когда комары стали беспокоить компанию, речь зашла о том, как бы скорее избавиться от них. Царь Петр Алексеевич сказал герцогу: “Вот эти мужичины с обнаженными шпагами ни к чему иному не годны; велите им подойти и отгонять комаров огромными своими усами”»³⁷.

Взбалмошный и упрямый нрав герцога не мог укрыться от Петра I, хотя русский монарх, также не отличавшийся мягкостью характера, старался терпимо относиться к своему новоявленному родственнику. Царь даже съездил с Карлом Леопольдом в Шве-

рине на охоту и убил оленя, хотя, как известно, терпеть не мог это развлечение, считая его абсолютно пустым занятием.

Герцог умудрился даже схлестнуться с царем в споре о том, что лучше для кавалерии: колоть по-шведски или рубить по-русски? Петр, естественно, отстаивал последнее мнение, в то время как Карл Леопольд усердно и упорно превозносил шведов. Спор был столь горячим, что верного Эйхгольца от страха «бросало в пот, как Иуду». Возвращаясь домой, он заметил герцогу: «Ради Бога, ваша светлость, берегитесь! Вы имеете дело с таким государем, с которым надобно обходиться осторожно. Какое вам дело, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы приехали сюда, чтобы колоть». Герцог самоуверенно отвечал, что заблаговременно «должно приучить царя так, как ему нужно»³⁸.

Несмотря на формальный приказ царя генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву с запретом «чинить обиды мекленбургским жителям», герцог Карл Леопольд использовал русские войска и для решения своих внутривластных проблем. Так, например, в июле 1716 г. восемь местных дворян были арестованы русскими за неповиновение герцогу и «поносительные речи» на герцогиню Екатерину Ивановну. Для того чтобы впредь предотвратить вмешательство русского командования во внутренние дела герцогства, к Петру I от мекленбургского дворянства был послан депутат Петерсдолф. Снисходя на просьбу депутата, царь отдал распоряжение генералу Н.И. Репнину отпустить арестованных³⁹.

Надо полагать, что царь не особо вдавался в тонкости вольностей и привилегий имперского дворянства и, возможно, искренне недоумевал, как подданные могут противиться воле своего сюзерена, а тем более жаловаться на него. Ведь в России все были «рабами великого государя», чьи судьбы он решал своей самодержавной властью.

Пребывание огромного количества войск в небольшом герцогстве тяжело отражалось на его жителях. В ноябре 1716 г. мекленбургский дипломат Габихтсталь жаловался в Любеке царю на генерал-лейтенанта И.И. Бутурлина, отягощавшего население тяжелыми постоями, и на генерал-майора Штофа, который привязывал к столбу (вероятно, позорному) городских бургомистров.

Для того чтобы снизить усиливающееся в герцогстве напряжение, вызванное пребыванием русских войск, царь на основании донесения Шереметева предложил вывести из дворянских имений, по крайней мере, четыре полка и разместить их по городам⁴⁰.

В ответ на это герцог самонадеянно заявил, что его крестьяне в состоянии прокормить все русские войска, и никакой нужды размещать их по городам нет. Здесь следует отметить, что Карл Леопольд в своей борьбе с местным дворянством опирался на города. Поэтому герцог был лично заинтересован, чтобы основные тяготы от пребывания в герцогстве русских войск легли на плечи непокорного дворянства.

Нужно сказать, что сам мекленбургский герцог относился к пребыванию русских войск в своих владениях весьма легкомысленно. Его министр и гофмаршал барон Эйхгольц предостерегающе заметил: «Берегитесь, ваша светлость, чтобы эти Русские не пожрали целого Мекленбурга». В ответ герцог заявил: «Пустое, они нам ничего не сделают. Нет народа, который довольствовался бы столь малым. Русские едят траву и пьют воду».

Однако в скором времени самому герцогу удалось испытать на себе неудовольствие русских солдат. Возвращаясь из Ростка, рассказывал Эйхгольц, Карл Леопольд остановился на обед в Пассене. Квотирующиеся там русские солдаты жестоко бранили управителя этого имения за то, что выданный им хлеб плохого качества, и требовали лучшего, угрожая правителю, что в противном случае они поколотят его по-русски. Управитель спасся от них в комнате, где герцог обедал. Но раздраженные солдаты в открытые двери бросили туда данный им хлеб. Эйхгольц, смеясь, спросил герцога: «Неужели это те самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи упаси меня от такого тестя (т. е. царя Петра. – *Авт.*), коего люди так бы со мною поступали!» Герцог молчал в изумлении. Эйхгольц заметил, что если русские так поступают в его имениях, каково должно быть их поведение в дворянских владениях, и что он, как владетельный князь, «пред Богом и пред собственною своею совестью обязан поговорить о том с царем»⁴¹.

Командующий русской армией Б.П. Шереметев вынужден был решать еще одну задачу. Герцог жаловался, что прусские и датские войска, проходя Мекленбург, также брали с несчастного

населения провиант. Петр рекомендовал своему военачальнику поступать с союзными войсками «политично и ласково», но не допускать, чтобы они реквизировали продовольствие и фураж безденежно, поскольку это еще больше отягощает и озлобляет жителей герцогства⁴². В конечном счете герцог, вероятно, начал осознать, что к внутривосточному кризису, в котором пребывал Мекленбург из-за затянувшейся распри между правителем и его подданными, добавляется и экономический кризис. Герцогство разорено постоянными проходами через его территорию крупных военных контингентов противоборствующих сторон. Пребывание русской армии пагубно сказывается на населении герцогства, которое вынуждено бесплатно содержать огромное количество солдат.

Карл Леопольд терпел, надеясь получить в качестве свадебного подарка Висмар. Еще в конце марта, в преддверье герцогской свадьбы, Петр отдал приказ генералу Н.И. Репнину, находившемуся с русскими войсками в Мекленбурге, с четырьмя полками и отрядом в 500 драгун следовать к Висмару, который в это время (с июня 1715 г.) уже осаждали датско-пруско-ганноверские войска под командованием генерала от кавалерии Франца Иоахима фон Дёвица (Franz Joachim von Dewitz). Зная о приближении отряда Репнина, союзники направили коменданту крепости Шульцу ультиматум, в котором угрожали ему, что если капитуляция произойдет после подхода русских сил, то сдавшиеся шведы могут отправиться напрямиком в Сибирь. В результате крепость сдалась союзникам (страх перед мнимой Сибирью оказался сильнее), которые наотрез отказались впустить в нее русских. Дело чуть было не дошло до открытого вооруженного столкновения. Только осторожность и сдержанность Репнина устранили эту опасность. Несмотря на длительные дипломатические переговоры, проблема Висмара так и не была решена. Петр I вынужден был проглотить горькую пилюлю ради переговоров с датским королем о высадке десанта на территорию Швеции. Крепость осталась в руках союзников, а тяготы Мекленбурга еще более усилились из-за пребывания там прусских, датских и ганноверских войск⁴³.

3 июня 1716 г. Петр I и датский король Фредерик IV подписали в Алтоне под Гамбургом конвенцию, которая обязывала обоих монархов в том же году предпринять высадку десанта в Ска-

План осады Висмара. Гравюра 1716 г.

нии. Русский царь надеялся, что шведская империя, потерявшая в Северной Германии свою последнюю опору – Висмар, после перенесения войны на ее территорию вынуждена будет заключить мир. Мекленбург играл роль важного плацдарма для русских войск до тех пор, пока Карл XII не будет разбит на своей территории.

Русская армия была поставлена на квартиры в Мекленбурге и ожидала отправки в Швецию⁴⁴. Галерный флот в количестве до 50 судов, на котором находились гвардейские полки, размещался в Ростоке⁴⁵.

Ставка главнокомандующего, генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева находилась в Гистроу⁴⁶. Одновременно готовился русский десант на шведское побережье, численностью в 21 тыс. чел. с Аландских островов.

В Алтонской конвенции выражалась надежда на то, что английская эскадра, ожидаемая на Балтике для охраны британ-

**Король Великобритании
и курфюрст Ганновера Георг I**

ских торговых кораблей, примет участие в военных действиях и прикроет высадку десанта в Скании. Английский король Георг I одновременно являлся и ганноверским курфюрстом, поэтому его очень волновало, кто будет править в Северной Германии после изгнания оттуда шведов. Он был напуган возросшим русским влиянием в Мекленбурге, граничащем с Ганновером. Кроме того, воинственно настроенная мекленбургская знать пользовалась

большим влиянием в Англии и при датском дворе. Премьер-министр Георга I по ганноверским делам и его ближайший советник Андреас Готлиб фон Бернсторф, владевший вотчинами в Мекленбурге, считался центральной фигурой в борьбе мекленбургской знати против введения Карлом Леопольдом абсолютизма в этом герцогстве. Среди многочисленных мекленбуржцев на службе у датского короля были И.Г. Гольштейн – один из четырех министров в Тайном совете Фредерика IV, генерал Дёвиц – главнокомандующий датскими войсками в Северной Германии. Они установили тесные связи с Бернсторфом и играли важную роль в так называемой «ганноверской хунте», повлиявшей на отношения России и Дании в 1716 г.⁴⁷

Прусский посланник с насмешкой писал, что как только мекленбургские вельможи при датском дворе получают послание от Бернсторфа, то выстраиваются за ним в процессию и почитают как святыню⁴⁸.

Члены «хунты» распространяли слухи, что Петр намерен включить Мекленбург в состав России, хотя у царя не было планов присоединить герцогство к своим владениям. Напротив, мекленбургские порты хорошо вписывались в его планы на будущее России в качестве посредника в торговле между Востоком и Европой. Азиатские и российские товары со складов в мекленбургских портах было легко переправлять по Эльбе для продажи на огромном центральноевропейском рынке.

**Премьер-министр по ганноверским
делам А.Г. фон Бернсторф**

Петр I даже рассматривал проект прорытия канала, с целью соединить Балтийское и Северное моря через территории герцогства. Осуществление этого плана позволило бы русским судам миновать Зундские проливы и освободиться от уплаты Дании так называемой «зундской пошлины»⁴⁹. Проект предусматривал соединение Балтийского и Северного моря посредством Эльбы и ряда озер, связанных каналами⁵⁰.

Русский царь не скрывал своих планов и часто обсуждал их с иностранными купцами. Ганноверские и британские министры воспринимали их как серьезную угрозу английской торговле. В результате чего в мае–июне 1716 г. им удалось без особого труда настроить английское министерство и парламент на принятие более враждебной линии по отношению к России⁵¹. 1716 год не стал последним годом Северной войны, по меткому выражению С.М. Соловьева, «русский богатырь был опутан паутиною интриг»⁵².

Не избежал этих интриг и датский двор. Переговоры об организации десанта затянулись. Пребывание царя в Копенгагене практически не сдвинуло дело с мертвой точки. Доходило до абсурда: концентрацию русских войск в Мекленбурге датский двор расценивал как угрозу Копенгагену.

В результате проволочек Дании и Англии операцию было решено перенести на весну следующего года, но она так никогда и не состоялась. Борьба за влияние в Мекленбурге между Россией и Данией привела в дальнейшем к выходу последней из антишведского союза⁵³.

Русские войска вновь были расквартированы в Мекленбурге в ожидании весны 1717 г., когда подготовка десанта должна была возобновиться. Пребывание в Северной Германии большого контингента русских войск, по мнению англо-ганноверского двора, нарушало «равновесие сил» на Балтике.

Неожиданную поддержку Петр I нашел у Франции, которая была заинтересована привлечь Россию к союзу против Австрии. Более того, французское правительство выражало желание, чтобы Россия утвердилась в какой-либо части имперских земель и постоянно держала там войска. Пруссия также высказывала желание, чтобы русские войска оставались в Мекленбурге. Получив при содействии России значительные территориальные приобретения, Пруссия могла надеяться удержать их только при помощи русских войск. Этим объясняется лояльная политика Фридриха Вильгельма I по отношению к России. В ноябре 1716 г. при свидании русского царя и прусского короля в Гавельсберге был подтвержден союз между Россией и Пруссией. В следующем году, после посещения Петром I Парижа и переговоров с регентом Франции герцогом Филиппом Орлеанским в Амстердаме был подписан союзный оборонительный договор между Россией, Францией и Пруссией⁵⁴.

Между тем антирусские настроения в Северной Германии усиливались. Особенно этому способствовал англо-ганноверский двор, которому содействовала мекленбургская знать. В герцогстве распространялись слухи, что русские планируют вывести из Мекленбурга насильно ряд оппозиционно настроенных дворянских семей. Тем, кто сотрудничал с русскими, угрожали подвергнуть имения разорению после ухода войск. Многие семьи в страхе уезжали в соседний Ганновер.

О том, какие настроения царили в Ганновере, можно судить по мемуарам шотландского офицера на русской службе Питера Генри Брюса, бывшего в то время адъютантом генерала Вейде. В какой-то момент в Мекленбурге распространилось известие, что под Гамбургом формируется армия из имперских войск, с намерением выгнать российские войска из герцогства. В этой связи русская армия оставила квартиры и встала лагерем у Гадебуша, под командой генерал-лейтенанта Ласси, генерал-майора Шлипенбаха и бригадира Лефорта. Генерал Вейде был в это время в Гистроу и послал Брюса выяснить, сколько войск собралось в лагере неприятеля. Брюс не нашел никакого лагеря и обратился за сведениями к русскому резиденту в Гамбурге. Но услышал не о войсках, формируемых против нас, а о том, что русская армия собирается вторгнуться в Ганновер (!), откуда уже началось бегство состоятельных людей в Гамбург и другие безопасные места. Это произошло в связи с появлением русского лагеря в Гадебуше. Когда Брюс вернулся в Гистроу и доложил ситуацию, то был немедленно отправлен в лагерь с приказом войскам немедленно разойтись по квартирам⁵⁵.

На специально созванном съезде мекленбургские дворяне постановили ничего больше не давать добровольно русским войскам, призывали покинуть свои имения и уходить вместе с крестьянами. Когда А.А. Вейде потребовал от них объяснения, дворяне заявили, что они больше не рабы русских и не хотят ими быть, а продовольствие и фураж более давать не будут. В ответ русский генерал применил репрессивные меры. Он приказал брать хлеб и скот в первую очередь у зачинщиков, использовать под выпасы кавалерийских лошадей их луга и поля, а самих бунтовщиков «брать за караул»⁵⁶.

Русские войска в Мекленбурге находились между двумя враждебными силами, которые обе действовали за пределами страны: герцог с женой требовали от Петра помощи, а дворянство обращалось к правящим европейским дворам, опасавшимся укрепления России на западных берегах Балтики и усиления русского влияния в немецких землях⁵⁷.

Ситуация накалилась до такой степени, что герцог отправил Эйхгольца к Петру I, который находился в то время в Аахене, с просьбой вывести из Мекленбурга русскую армию, кроме семи полков. По мнению Карла Леопольда, эти полки должны были

защитить его как правящего государя от внешней и внутренней угрозы. На просьбу герцога Петр отреагировал следующим образом. Он поручил А.И. Остерману хорошенько объяснить Эйхгольцу, что семь полков составляют 11 000 чел. и что такое количество войск будет герцогству в тягость. Царь соглашался оставить два полка и советовал разместить их равномерно на кварталы в городах, в дворянских и герцогских имениях.

Кроме того, царь заявил: «Я для герцога не намерен ссориться с императором и империей»⁵⁸.

На самом деле вопрос об эвакуации русских войск из Мекленбурга был решен Петром I еще в Париже в июне 1717 г.⁵⁹ Воспользовавшись прошением от всего мекленбургского дворянства о выводе из герцогства русских войск как удобным предложением, царь распорядился начать подготовку к эвакуации⁶⁰.

Обрадованное известием о выводе войск мекленбургское дворянство послало к генералу А.А. Вейде двух представителей, которые задали вопрос, сумеет ли он вывести войска за границы герцогства за десять дней, если они будут полностью обеспечены питанием и фуражом. Получив утвердительный ответ генерала, дворяне кинулись скупать хлеб в городах и деревнях, не задетых реквизициями, лишь бы не было задержки с выводом русских полков⁶¹.

Вместе с корпусами Н.И. Репнина и А.А. Вейде из Мекленбурга в Ригу в июне 1717 г. были вывезены все артиллерийские припасы русских войск: 220 бочек пушечного пороха, 223 бочки мушкетного пороха, 83 бочки «худого» (т. е. некачественного) пороха, а также запасы серы, свинца для литья пуль, бомбы (в том числе и трофейные шведские), зарядный и шанцевый инструмент⁶².

В конце июля 1717 г. русская армия в составе двух корпусов (А.А. Вейде и Н.И. Репнина) выступила из Мекленбурга к польским границам⁶³. За время ожидания так и не состоявшегося десанта солдаты изрядно пообносились. Так, например, артиллеристы жаловались своему начальству, что «обретаются без мундиров»⁶⁴.

Тем не менее, отлично понимая, что власть его нового родственника держится в герцогстве во многом на русских штыках, Петр принял решение оставить в Мекленбурге два пехотных полка с приданными им двумя гренадерскими ротами. Эти пол-

ки переходили под командование самого Карла Леопольда, который должен был их содержать за свой счет. Формально эти войска должны были составить личную гвардию герцогини Екатерины Ивановны.

Естественно, что с желанием русских солдат, остававшихся в Германии на всю оставшуюся жизнь, никто не считался.

Генералу А.А. Вейде поручено было согласовать с герцогом места дислокации этих полков. Русским солдатам запрещалось брать с местных жителей все, кроме установленного им пропитания⁶⁵.

«Присматривать» за герцогом, а заодно и за русским контингентом, был отправлен Михаил Алексеевич Салтыков – родственник вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны (матери герцогини Екатерины).

Салтыков, скорее всего, обладал довольно широкими полномочиями. По крайней мере, когда в сентябре 1718 г. Карл Леопольд арестовал командира Вятского полка Ивана Вольнского за некие нарушения присяги и непослушание, Салтыков от имени своего государя заявил герцогу, что если полковник не будет освобожден, то все русские войска покинут территорию Мекленбурга. Герцог, несмотря на свой скверный характер и упрямство, поспешил исполнить требование и выпустил Вольнского на свободу⁶⁶.

Итак, в Мекленбурге остались Вятский и Ярославский пехотные полки.

Вятский пехотный полк первоначально назывался солдатским полком полковника Павла Павловича Бернера (напомним, что в России наименования полков часто давали по именам их командиров). Он был сформирован в 1700 г. комиссией генерала Н.И. Репнина в Казани из даточных людей. В 1706 г. он стал именоваться полком Ивана Яковлевича Шанбурха (Шнеберха, Шнеберка), а затем – князя Алексея Борисовича Голицына. В 1708 г. получил название Вятский солдатский полк.

Полк действовал в 1702 г. под Нотебургом, в 1703 г. – у Ниеншанца, в 1704 г. – под Нарвой и Печорским монастырем, в 1709 г. – под Полтавой, в конце 1709 г. сопровождал Петра I в Пруссию. Вятский пехотный полк в 1711 г. участвовал в Прутском походе, затем в 1712–1714 гг. находился в Померании у Тенингена, Штеттина, потом в Мекленбурге и Люненбурге⁶⁷.

В 1711–1712 гг. полком командовал полковник Иван Панин, а с 1712 г. – полковник Иван Вольтинский. К сожалению, архивы полка интересующего нас периода сильно пострадали: «...с начала регулярной армии, от [1]700 году, в полку до [1]712 году обстоятельных ведомостей... нет, понеже письма утрачены в Турецкой акции. И в бытность в Мекленбургии [ведомости], по которым от излежания за негодностию выправиться было невозможно, брошены за неимением подвод, по выступлении из оной земли в Россию, в прибытие линбурцев» (корпуса люнебургских войск)⁶⁸.

Ярославский пехотный полк был сформирован в 1700 г. из «урядников и солдат старых города Симбирска, из солдатских детей и братьев, 1007 человек». Первоначально именовался солдатским полком полковника Ивана Ивановича Трейдена. В 1700 г. полком командовал полковник Филипп Гаврилович Кар, в 1706–1708 гг. – подполковник Алексей Кузьмич Балабанов (Болобонов), в 1708 г. – Петр Матвеевич Апраксин, затем (до 1715 г.) вновь Балабанов, в 1715–1717 гг. полковник Иван Панин⁶⁹.

В 1708 г. он был переименован в Ярославский солдатский полк. В 1700 г. он действовал под Нарвой, в 1703–1705 гг. участвовал в третьем и четвертом «Свейских походах» в составе корпуса П.М. Апраксина, затем нес гарнизонную службу в Ямбурге и Нарве. В 1709 г. действовал под Полтавой и Ревелем, в 1711–1718 гг. – в Померании. В 1713 г. принимал участие во взятии Штеттина. В 1719 г. находился в Мекленбурге.

Подобно большинству пехотных полков полевой армии, Ярославский и Вятский состояли из восьми мушкетерских рот каждый (одну восьмую часть рядовых солдат в 1715 г. вооружили пиками). Гренадеры уже несколько лет как были сведены в отдельные полки, и, чтобы не лишать гвардию царевны этой ударной силы, к Ярославскому и Вятскому пехотным прикомандировали две роты из Первого гренадерского полка (в данном случае речь идет о гренадерском пехотном генерал-майора Питера Эдмонда Ласси, хотя на почетное звание «первого» претендовали впоследствии и другие гренадерские полки). Полковая артиллерия по обыкновению насчитывала пару медных пушек (итого четыре) с укрепленными на их лафетах чугунными или железными мортирами⁷⁰.

Поступая «во ус-
лугу Его Светло-
сти», пехота остави-
ла российские зна-
мена и получила вза-
мен мекленбургские
(по два на полк или
по одному на баталь-
он). Согласно описа-
нию 1719 г., знамена
Ярославского полка
были из тафты – одно
белое, другое василь-
ковое, «на них гербы
мекленбургские на
золоте».

На время пребы-
вания в Мекленбур-
ге жалование и об-
мундирование рус-
ской пехоте полага-
лись от герцога Карла
Леопольда. В 1718 г.
оба полка получили
«васильковый мун-
дир» – картузы, каф-
таны и чулки на пол-
ный комплект, а так-
же около 100 шляп

с позументом, камзолов и штанов на полк – надо полагать, для
урядников. Плащи и прочие вещи остались российские. В том же году (быть может, по желанию герцога) полки обзавелись хо-
рошей духовой музыкой: в каждом – хор гобоев, хор флейтузов,
пара валторн, а в Вятском – еще и пара фиолей.

Вятским пехотным продолжал командовать полковник Иван
Волынский. Полковника Ярославского полка Ивана Панина в
1717 г. взяли на службу в Комиссариат, поэтому герцог произвел
в полковники своего офицера Ягана (Johann) фон Тилли. На-
звания полков стали звучать как *Tilly zu Fus* (пехотный Тилли)

**Ярославский пехотный полк.
Мушкетеры и пикинеры. 1717 г.
(Иллюстрация из статьи: Егоров В.И.
«Под гербом мекленбургским»
в Германии и в России. Гвардия царевны
и Мекленбургский корпус 1717–1743 гг. //
Наш восемнадцатый век.
Военный сборник. М., 2014)**

Форма мекленбургской пехоты. 1717–1719 гг.
 (Из книги: Hall R. Mecklenburg's Military from 1650 to 1719. 2003)

и *Valinsky zu Fus* (пехотный Вольнского). На немецкий лад переименовали и офицерские звания – так, поручики стали премьер-лейтенантами.

Гренадерами командовали их капитаны: ротой при Ярославском полку – Иона Волков, ротой при Вятском полку – Никита Кабановский.

В 1717–1719 гг. герцог повысил чинами некоторых россиян – в том числе за храбрость в сражении – и определил в полки немецких офицеров (в основном это коснулось Ярославского пехотного). Причиной тому послужили освободившиеся места⁷¹.

Еще один занятный момент связан с массовыми отставками русских офицеров, находившихся на мекленбургской службе. Большинство офицеров в то время происходили из дворян и несли обязательную пожизненную личную воинскую повинность под угрозой лишения поместий и прочих наказаний. Увольнение со службы можно было получить только по состоянию здоровья, да и то власти могли принудительно определить на какую-нибудь гражданскую службу.

Однако в Мекленбурге русские офицеры вдруг выяснили, что местный герцог свободно отпускает со службы в отставку, причем его грамота («абшид») признается в России. Многие воспользовались этой лазейкой и спокойно вернулись домой в свои поместья, не опасаясь репрессий со стороны начальства.

По мнению исследователя В. Егорова, русской «гвардии» в Мекленбург-Шверине жилось совсем неплохо. От дезертирства оба полка страдали ничуть не больше, чем в иные годы Северной войны. Если в 1712 г. из Вятского пехотного бежало свыше 100 чел., так что в назидание остальным двое пойманных дезертиров были расстреляны, двое повешены и еще одному отрублены руки и ноги, то в 1717–1719 гг. тот же полк недосчитался всего 40 беглецов. Некоторые «явились из бегов» добровольно. Приходили и те, кто дезертировал раньше из других полков и устал от вольной жизни на чужбине; вернулись даже четверо солдат, завербовавшихся в прусскую армию и теперь бежавших уже оттуда. Правда, они недооценили *Ordnung* в хвалёных полках короля Фридриха Вильгельма I – на обратном пути из Мекленбургии, в городе Пазволе, «брандбурцев» опознали, насильно вытащили из строя и увели всех четверых вместе с их фузеями, шпагами, пистолетом и пикинерским копьём...⁷²

Между тем, сословия герцогства пожаловались на Карла Леопольда за его злоупотребления в имперский суд, и тот в октябре 1717 г. вынес вердикт в пользу восстановления *status-quo*. Естественно, что герцог отнюдь не спешил с исполнением судебного решения, надеясь на грозную русскую силу.

Тогда император назначил над герцогством военную экзекуцию, с целью выполнения решения суда. Право на проведение так называемой имперской экзекуции⁷³ было выдано Брауншвейг-Каленбергу (Ганноверу) и Брауншвейг-Вольфенбюттелю как гарантам Нижне-Саксонского округа, к которому относился и Мекленбург, и сформирован специальный «штрафной корпус» (*Strafkorps*). Для управления герцогством от имени императора Карла VI была создана специальная комиссия⁷⁴.

Однако, вплоть до зимы 1719 г., пока в Северной Германии и Польше находилась крупная русская группировка (около 30 000 солдат), о военной операции никто не помышлял, но после ухода русских войск все изменилось.

Одновременно с готовящейся экзекуцией, воспользовавшись жалобами населения Мекленбурга и Польши на произвол герцога Карла Леопольда и русских войск, принц Евгений Савойский, ганноверский министр Альфонс-Мари-Луи Сен-Северен и саксонский фельдмаршал Якоб Генрих фон Флемминг подписали 5 января 1719 г. Венский договор между Австрией, Ганновером и Саксонией. Он предусматривал принятие мер не только против мекленбургского герцога, но и против возможной агрессии со стороны России, Швеции и Пруссии⁷⁵.

Союзный контингент составляли 8000 пехоты и столько же кавалерии от Австрии, 10 000 пехоты и 4000 кавалерии от Англии и Ганновера, по 2000 драгун и 4000 пехоты от Саксонии и Речи Посполитой и 4000 польской шляхетской конницы. Для восстановления порядка в Мекленбург должен был быть направлен 50-тыс. экзекуционный корпус⁷⁶.

Кроме того, на тот случай, если герцог воспротивится проведению имперской экзекуции, весной 1719 г. в Силезии были размещены пять царских полков, готовых к маршу на Мекленбург⁷⁷.

В феврале 1719 г. Петр I получил известие о том, что ганноверские войска численностью в 8000 чел. под командованием под командованием генерала от кавалерии К.Дж. фон Бюлова (Cuno Josua von Bulow) вступили на территорию герцогства.

Спустя некоторое время произошли столкновения между ганноверскими и мекленбургскими войсками, в которых приняли участие и русские.

Перейдя 25 февраля Эльбу по льду, Бюлов 3 марта подошел к Хагенау. Затем ганноверцы повернули на север, надеясь отрезать небольшую мекленбургскую армию под командованием генерал-майора К.К. фон Шверина (Curt Christoph von Schwerin).

Вечером 5 марта пехотный полк де Лёра (de Lueur) занял Вальсмиулен (Walsmühlen) на правом берегу Зуде. Три роты заняли мост непосредственно в городке, еще одна рота заняла позицию у мельницы, а рота капитана Шредера – мост рядом с городком. Соседний Родемиулен (Rodemuhlen) был занят ротой капитана Шуленбурга из полка Бёллинга (Belling). Драгунский полк Вендта (Wendt) расположился на ночь в Паруме (Parum) между Виттенбургом (Wittenburg) и Вальсмиуленом. Штаб-квартира Бюлова находилась в Гаммелине (Gammelin). Между Виттенбургом и Родемиуленом находились кавалерийские полки Шлуттера (Schlutter) и Сен Лорана (St. Laurent).

Мекленбуржцы выступили из Виттенбурга в Шверин вечером 5 марта, стремясь форсировать Зуде до того, как ганноверцы займут все переправы. У генерала Шверина был приказ герцога Карла Леопольда по возможности избегать столкновений с ганноверцами и вступать бой только в случае вражеской атаки. В Паруме мекленбуржцы захватили несколько офицеров из полка Вендта. Шверин написал в своей реляции, что он мог с легкостью разгромить и пленить весь полк, но вместо этого приказал отпустить с извинениями пленных офицеров. В ночь с 5 на 6 марта шедший в голове колонны полк Тилли (Tilly) подошел к Вальсмиулену, где выяснилось, что мост разрушен, а на другом берегу занял позиции полк де Лёра. По словам Шверина, ганноверцы первыми открыли огонь, убив унтер-офицера и четырех солдат. В ответ русские гренадеры под прикрытием двух полковых пушек переправились по льду на другой берег и атаковали противника.

Ганноверцы были отброшены, потеряв более 120 чел. и два знамени. Русские потеряли в этом бою убитыми капитана Афанасия Петина и 25 нижних чинов, еще 15 нижних чинов скончались позднее от ран. Отбив переправу, мекленбуржцы немедленно приступили к ее починке. Первой через реку перепра-

вилась пехота, затем следовала конная гвардия, затем обозы, и в арьергарде – драгуны под командованием Якоба Карла фон Лиллиенштренга (Lilienstreng). В момент переправы конногвардейцы были атакованы драгунами Вендта, под удар попала замыкавшая колонну рота полковника Веллинга (Welling). Шверин лично возглавил контратаку, и ганноверцы были отбиты, после чего мекленбуржцы продолжили переправу. К утру все мекленбуржские войска находились на равнине к юго-западу от Вальсмиюлена.

Тем временем Бюлов, получив известия о бое при Вальсмиюлене, собрал полки Вендта, Шлуттера и Сен Лорана (всего 8 эскадронов) и, переправившись у Родемиюлена, бросился на перехват Шверина. Атака ганноверской кавалерии была отражена Вятским пехотным полком, выпалившим в ходе боя 3820 ружейных патронов и 2038 зарядов картечи. Также две его полковые пушки дали 10 картечных выстрелов. Исходя из численности полка, в ходе боя им было дано 5 залпов, в том числе два с близкой дистанции картечью. Понеся серьезные потери, ганноверцы отступили, не нанеся русским никакого вреда. На отходе ганноверцы схватились с мекленбургской кавалерией (конной гвардией и драгунами Лиллиенштренга), нанеся ей серьезный урон.

После боя Бюлов отступил на юг, а мекленбургский командующий продолжил марш к Шверину, куда прибыл в тот же день, 6 марта. Вероятно, бои у Вальсмиюлена были не единственными, и в районе реки Зуде 5–6 марта произошло еще несколько боестолкновений меньшей интенсивности, так как в списках потерь упоминаются ганноверский кавалерийский полк Бюлова и пехотный Бёллинга (Belling), а также мекленбургский полк Цюлова (Zulow)⁷⁸.

«Поденная записка» Петра I описывает это столкновение следующим образом. В полутора милях от Шверина генерал-майор К.К. фон Шверин получил приказ герцога двигаться с двумя мекленбургскими конными полками и с российскими пехотными, которые были там дислоцированы, к Ростоку. Во время марша он обнаружил ганноверский regiment, стоявший на переправе. Шверин послал к ганноверскому командиру требование пропустить его полки, обещая при этом «не учинять никакой противности» и выдать заложников. Мотивировал он это тем, что не имеет никакого приказанья сражаться с ганноверцами, а

лишь следует в Росток. Но «эксекюторы» не только не пропустили мекленбургцев и русских, но, подпустив их ближе, дали по ним залп. В результате этого погиб русский капрал и четыре солдата. Тогда Шверин «вооруженною рукою» прошел через переправу, разорил regiment, захватив при этом несколько знамен и пленников.

Во время перехода переправы ганноверцы предприняли попытку атаковать аррьергард мекленбургского войска, но были с «немалым уроном отбиты». На следующий день ганноверский генерал вновь атаковал фон Шверина, но был отбит⁷⁹.

В послужных списках (сказках) офицеров Вятского пехотного полка сохранились записи об их участии в сражении с ганноверскими войсками. В частности, указано, что были в баталии «с линебургцы и ганноверцы» подполковник Лангерман, премьер-майор Ю.Ю. Шарф, капитаны А.Ю. Шарф, П.С. Кичигин, С.В. Токмачев, В.А. Похвистнев, А.Д. Сытин, В.И. Гагин, В.Я. Нирот, поручики М.С. Скрыплев, М.Д. Воейков, Ф.Н. Шапошников, И.К. Радищев, Е.М. Гагин, Г.Ф. Новиков, подпоручики А.Е. Зубов, И.А. Юшков, Я. Агеев, П.М. Иванчин, Д.Т. Тяняков, А.О. Хрипунов, С.А. Портной, прапорщики И.И. Гагин, С.Е. Шошин, Ф.Ф. Сангуров, И.С. Щипицын, Ф.З. Токарев, А.И. Хлопов, А.И. Кузнецов, полковой квартирмейстер И.Д. Лихачев, полковой писарь И. Тюляминов, полковой аудитор А.С. Потапов и полковой фискал В. Югатов⁸⁰.

В сражениях с эксекуционным корпусом отличились и офицеры Ярославского пехотного полка. Премьер-майор Август Кених «был во услуге его светлости герцога мекленбургского в 719 году против нападения от ганноверского войска»⁸¹. Подпоручик Илья Петин был произведен герцогом в капитаны⁸². Прапорщик Василий Воробьев – в подпоручики⁸³. Капитанами стали Иван Чабуков, Василий Барсенов и Иван Черевин, также бывшие «на баталии марта 6 дня от нападения ганноверских войск».⁸⁴

Такое же звание получил Федор Старков за участие в сражении⁸⁵. Глеб Немцов был ранен в бою 24 февраля 1719 г., у него была пробита пулей левая нога. За это он был произведен в капитаны и получил подписанный самим герцогом патент⁸⁶.

Ранен в ногу был и Астафий Мещаринов, пожалованный в поручики⁸⁷. За то же сражение Тихон Тишков, Яков Тишков и Дмитрий Трубников стали поручиками⁸⁸.

Степан Рукин за участие в боевых действиях 22 февраля 1719 г. пожалован герцогом в поручики⁸⁹. В подпоручики были произведены Василий Щелин, Матвей Шемановский, Марко Русинов и Петр Ушаков⁹⁰. Прапорщиками стали Спиридон Просин, Максим Стаханов, Григорий Алютин⁹¹.

Алексей Соболев стал полковым адъютантом, Ефим Бубнов – полковым писарем, а Иван Барышников – полковым профосом⁹².

Николас Фридрих фон Якин сообщал о себе, что служил в венецианских войсках и сражался против турок, затем взял «абшит», и «пришел в... Мекленбургскую землю, и явился его светлости герцогу мекленбургскому в городе Ростоку в 1718 г., и его светлость пожаловал меня в Ярославский пехотный полк в прапорщики, и, пожаловав, приказал дать мне патент августа с 1-го числа. И будучи в оном полку, 719 году марта 6 дня был на баталии против линебургского войска в деревне Вальсмюлен»⁹³.

Заметим, что это единственное упоминание в офицерских сказках деревни, где произошло сражение. Очевидно, что к 1720-м гг., когда они составлялись, для большинства офицеров точное название далекого мекленбургского местечка уже стерлось из памяти.

Имперская экзекуция была исполнена весной 1719 г. Карл Леопольд вскоре покинул страну. Управление Мекленбург-Шверинном в качестве исполнителей взяли на себя курфюрст Ганновера и король Пруссии. После смерти курфюрста в 1727 г. имперская экзекуция была снята.

Российские государи Петр Великий (в 1721 г.), Екатерина I (в 1726 г.), Петр II (в 1729 г.), Анна Ивановна (в 1730 г.) хлопотали о судьбе герцога, обращаясь к императору Карлу VI, но безрезультатно. Кайзер считал, что герцог мекленбургский должен дать отчет в своих действиях перед Имперским судом. В апреле 1725 г. Имперский надворный совет (*Kaiserliche Hofrath*) дал герцогу четыре месяца «на покаяние». После опубликования Карлом Леопольдом в марте 1729 г. оскорбительной декларации против императора суд Имперского сейма (*Reichstagsrecht*) лишил герцога владений. Управление княжеством было передано его младшему брату, герцогу мекленбург-стрелицкому, Кристиану Людвигу II, которому при поддержке прусских войск пришлось устранять последствия политики своего предшественника.

Сам Карл Леопольд неоднократно обращался к российским монархам за военной помощью в деле возвращения власти, но неизменно получал отказ и совет повиниться перед императором. Вице-канцлер А.И. Остерман рекомендовал русским дипломатическим представителям за рубежом (в частности, делегатам Суассонского конгресса А.Г. Головкину и А.Б. Куракину) «добрым порядком от сего мекленбургского дела освободиться». В 1727 г. герцог покинул Россию и обосновался в Данциге. Его жена, пытавшаяся оказать Карлу Леопольду поддержку, и дочь Елизавета Катерина Кристина, будущая правительница Анна Леопольдовна, остались в Санкт-Петербурге.

Во время войны за Польское наследство в августе 1734 г. Карл Леопольд через тайного посла, надворного советника Хайля предлагал императрице заключить негласный союз с Францией, признать Станислава Лещинского польским королем и дать ему 12 тыс. солдат для возвращения Мекленбурга. Этот проект показывает, насколько мало герцог разбирался в европейских делах и интересах России. В январе 1735 г. он был вынужден извиняться перед Анной Ивановной за свои предложения.

Русский двор давно охладел к герцогу. После смерти в 1733 г. Екатерины Ивановны и перехода в православие ее дочери под именем Анны Леопольдовны судьба Карла Леопольда уже никого не интересовала. В 1736 г. он был выслан из Данцига в Висмар (бывшая шведская Померания). Анна Леопольдовна в 1739 г. вышла замуж за принца брауншвайг-бевернского Антона Ульриха, и «*мекленбургский вопрос*» был фактически закрыт. Карл Леопольд поселился в своем имении Дёмнице в прусской Померании, где и скончался осенью 1747 г., обиженный на весь мир, потерявший герцогство, жену, дочь и внука – малолетнего российского императора Иоанна Антоновича⁹⁴.

В марте 1719 г. после обмена дипломатическими демаршами между Веной и Петербургом Петр I принял решение о выводе «мекленбургского корпуса», включая русские полки, в Россию⁹⁵. Слезные просьбы герцогини Екатерины Ивановны не лишать защиты ее супруга царь оставил без внимания. Летом 1722 г. Екатерина приехала в Россию и никогда уже ее не покидала⁹⁶.

На такое решение Петр пошел ввиду заключения Англией и Ганновером мира со Швецией и присоединения Пруссии к Венскому договору.

В конце апреля 1719 г. мекленбургские войска подошли к польскому Шверину. Начальствовали над ними генерал-майор фон Флор, которого в документах именуют также де Флеор или фон Флорен (von Flohren), бригадиры фон Кальден (von Kahlden) и фон Вальдов (Вальдоу). Эвакуация в Россию уже была делом решенным, и в Шверин для сопровождения приехал полковник Степан Вельяминов. Дальнейший ход событий нетрудно угадать. Мекленбургский командир Ярославского полка и некоторые офицеры-иноземцы ретировались одними из первых: «Полковник Тилли до прибытия моего, – писал Вельяминов, – от полку отлучился и не надеюсь, чтоб оный к полку прибыл, понеже багажу его при полку ничего не осталось». Повернули назад, оставив своих людей, и шефы немецких полков – генерал-майор Флор, бригадиры Кальден и Вальдов. От мекленбургского «генерального штаба» (генералитета) никого не осталось уже в начале мая 1719-го, и корпус возглавил драгунский полковник Якоб Карл фон Лиллиенштрэнг. Большинство нижних чинов, очевидно, разделяло мнение генералов о путешествии в Московию. Когда два русских полка и гренадерские роты бодро двинулись походным маршем от Шверина, мекленбургское войско потянулось вослед, «но токмо во оных во всех шести полках, – продолжал Вельяминов, – драгун и солдат с 1000 человек или и меньше обретается, понеже бегут целыми ротами, а маршируют от российских полков во отдалении миль по 7 и больше». Письма и уговоры были тщетны – похоже, Лиллиенштрэнг умышленно медлил и держался подальше от русских, давая возможность соотечественникам сделать свой выбор⁹⁷.

25 апреля 1719 г. при польском Шверине мекленбургская кавалерия насчитывала 27 штабных чинов, 39 обер- и 97 унтер-офицеров, 717 рядовых и 844 лошади; инфантерия – 25 штабных чинов, 90 обер- и 101 унтер-офицера, 775 рядовых; итого 1871 чел., включая генерал-майора фон Флора, командовавшего полками последние дни перед своим отъездом. В мае–июне из-за массового дезертирства мекленбургские войска таяли на глазах: в иных ротах рядовых оставалось по два-три человека, а то и вовсе были одни офицеры. Полк в 16 драгун или батальон в 13 солдат скоро стали обычным для Мекленбургского корпуса явлением, при этом на каждого уцелевшего рядового в среднем приходилось по офицеру, капралу либо штабному. По дороге в

Россию от кавалерийского лейб-регимента не осталось ни одного человека, и полк этот выбыл из списков⁹⁸.

Степан Вельяминов доносил в мае 1719 г. из Пултовска, что мекленбургские полки специально отделились во время марша от русских, хотя их подхода ждали на привалах по три-четыре дня. Полковник писал, что от шести мекленбургских полков осталось не более 1000 чел., так как рейтары и драгуны отъезжали целыми ротами, а от лейб-регимента не осталось совсем никого. В заключение он высказывал сомнение, что вообще сумеет довести эти полки до российской границы⁹⁹.

Переправившись через Вислу и впусую прождав пять дней, Вельяминов решил продолжить марш самостоятельно. На тот момент в Ярославском и Вятском пехотных полках и в обеих гренадерских ротах налицо состояло до 2900 чел. всех чинов.

В июле 1719 г., после прибытия в Ригу, пути бывших товарищей по оружию разошлись окончательно. Мекленбургские полки отправили напрямик на Украину, к находившемуся там конному корпусу, а российские были «введены в гарнизоны»: Вятский полк – в Ригу, Ярославский – в Динаминдшанц (гренадеров отдали обратно в полк Ласси)¹⁰⁰.

В январе 1731 г. Карл Леопольд потребовал отпустить к нему мекленбургский корпус или дать денег на наем войск, обеспечить их оружием и провиантом. В середине июня Анна Иоанновна дала твердый ответ: денег герцог не получит, а корпус может быть перевезен в Любек (эти части уже не представляли никакой серьезной силы).

История «мекленбургского корпуса» закончилась печально. Только в 1744 г. после 25-летнего пребывания его в России императрица Елизавета Петровна разрешила мекленбуржцам вернуться на родину. К тому времени от корпуса осталось всего 109 чел. (в том числе 15 офицеров) – постаревших и немощных¹⁰¹.

Под давлением международной обстановки, из-за обострения противоречий внутри Северного союза, приведших к фактическому его распаду, русское правительство решилось на вывод войск из Мекленбурга. Эта мера существенно осложняла поставленную Петром I военную задачу – осуществление союзного десанта на территорию Швеции и победоносное окончание войны. В то же время вывод войск позволял снизить внешнеполити-

ческое напряжение в результате формирования антирусской коалиции, создаваемой англо-ганноверским двором. Человеческие потери, страдания местного населения, чувства русских солдат, оторванных от родины и отправленных на чужбину, никто не брал в расчет. Судьба русского солдата и немецкого крестьянина мало интересовала тех, кто вершил судьбы целых стран... Огнем и мечом перекраивались европейские границы, гибла шведская империя и рождалась новая – Российская.

¹ История Северной войны. 1700–1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1987. С. 142.

² Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 374–376.

³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. I. М., 2004. С. 380.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. XII. Вып. 2 (Июль – декабрь 1712 г.). С. 218.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ Karl XII på slagfältet. Vol. IV. P.A. Norstedt och söners förlag, Stockholm. 1919. S. 936–941; Беспалов А.В. 1) Участник Северной войны фельдмаршал граф Магнус Стенбок (1664–1717) // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 176–183; 2) Сподвижники Карла XII. М., 2003. С. 140–143.

⁷ История Свейской войны. С. 387.

⁸ Репнин Никита (Аникита) Иванович (1668–1726), князь, поручик Потешной роты (с 1685), генерал-аншеф (с 1696), генерал-майор (с 1699), лифляндский генерал-губернатор (1710, 1719–1726), президент Военной коллегии (1724–1725), генерал-фельдмаршал (с 1724).

⁹ Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / Под ред. А.З. Мышлаевского. СПб., 1898. С. 205, 207.

¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XII. Вып. 2. С. 427.

¹¹ Там же. С. 468.

¹² Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. С. 196.

¹³ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 145.

¹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XII. Вып. 2. С. 210–211.

¹⁵ Карл Леопольд, дед императора Иоанна Антоновича. Рассказ барона Эйхгольца (Из бумаг П.П. фон-Геца) [Извлечение] // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 2 (Далее: Рассказ барона Эйхгольца). С. 10.

¹⁶ О герцоге Карле Леопольде см. подробнее: Heitz G. Herzog Carl Leopold von Mecklenburg-Schwerin // Kaiser. König. Kardinal – Deutsche Fürsten 1500–1800 / herausg. von Rolf Straubel und Ulman Weiss. Leipzig-Jena-Berlin: Urania-Verlag, 1991; Grijsorian V. Zarenschicksale – Glanz und Skandale am Hofe der Zarendynastie Romanow / Holstein-Gottorp. Leipzig: LeiV Buchhandels- und Verlagsanstalt GmbH, 1987; Vallotton H. Peter der Große – Russlands Aufstieg zur Großmacht. 2. Aufl. München: Verlag Georg D.W. Callwey, 1978.

¹⁷ Рассказ барона Эйхгольца. С. 2.

- ¹⁸ Полиевсктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб., 1907. С. 39.
- ¹⁹ Брикнер А.Г. Путешествия Петра Великого за границу в 1711 и в 1717 гг. // Русский вестник. 1880. Т. 150. С. 572.
- ²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XIII. Вып. 2 (14 июня – декабрь 1713 г.). М., 2003. С. 240, 573.
- ²¹ Там же. С. 241.
- ²² Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 25. СПб., 1878. С. 425.
- ²³ Бобровский П.О. Вейде Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого и его Военный устав 1698 г. Казань, 1887. С. 26.
- ²⁴ Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым. С. 425–426.
- ²⁵ История Свейской войны. С. 462; Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым. С. 423, 425.
- ²⁶ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 134.
- ²⁷ Pade W. Reise um den Mecklenburgischen Globus. Rostock, 2000. S. 59–85.
- ²⁸ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. IX. Т. 17–18. С. 47.
- ²⁹ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс. Т. V (Трактаты с Германией, 1656–1762). СПб., 1880. С. 136–144.
- ³⁰ Рассказ барона Эйхгольца. С. 10–11.
- ³¹ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 19.
- ³² Собрание трактатов и конвенций. С. 144–151.
- ³³ См. подробнее: Меркулов В.И. Гюстровская ода и мекленбургская генеалогическая традиция (Электронный ресурс). URL: <http://www.hrono.ru/statii/2004/merk0904.html>
- ³⁴ Походный журнал 1716 года. С. 20.
- ³⁵ Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М., 2012. С. 16.
- ³⁶ Рассказ барона Эйхгольца. С. 14.
- ³⁷ Там же. С. 15.
- ³⁸ Там же. С. 7–8.
- ³⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2 (Германия и Италия). М., 1896. С. 109.
- ⁴⁰ Там же. С. 110; Заозерский А.И. Указ. соч. С. 143.
- ⁴¹ Рассказ барона Эйхгольца. С. 14.
- ⁴² Заозерский А.И. Указ. соч. С. 143.
- ⁴³ Подробнее о висмарской проблеме см.: Tessin G. Wismarschwedische Regimenten Nordischen Kriege // Jahrbuch des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 101 (1937). S. 101–156; Bd. 102 (1938). S. 201–252; Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 89–96; Mediger W. Mecklenburg, Russland and England – Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967. S. 282–291.
- ⁴⁴ Архив ВИМАИВиВС (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 54–55.
- ⁴⁵ Брикнер А.Г. Указ. соч. // Русский вестник. 1881. Т. 151. С. 160.
- ⁴⁶ Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым. С. 447.
- ⁴⁷ Багтер Х. Петр I в Дании в 1716 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 191.

- ⁴⁸ Там же. С. 201.
- ⁴⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I / Под ред. Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. М., 1954. С. 574. Зундская пошлина (дат. *sundtolden*) – пошлина, взимавшаяся Данией в XV–XIX вв. за проход иностранных судов через пролив Эресунн (Зунд).
- ⁵⁰ Полиевсктов М.А. Указ. соч. С. 39.
- ⁵¹ См. подробнее: Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 124–163.
- ⁵² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 47.
- ⁵³ О подготовке и срыве операции в Сканию см.: История Свейской войны. С. 445–463; Фейгина С.А. Указ. соч. С. 96–105; Баггер Х. Указ. соч. С. 190–201. История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 41–42.
- ⁵⁴ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 40–41.
- ⁵⁵ Bruce P.H. *Memories of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain...* London, 1782. P. 199.
- ⁵⁶ Фейгина С.А. Указ. соч. С. 114–115.
- ⁵⁷ Там же. С. 115.
- ⁵⁸ Рассказ барона Эйхгольца. С. 19.
- ⁵⁹ Фейгина С.А. Аландский конгресс. С. 115.
- ⁶⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 110.
- ⁶¹ Там же. С. 116.
- ⁶² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 213–214 об.
- ⁶³ История Свейской войны. С. 467; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 246, 250 об. – 251.
- ⁶⁴ Там же. Л. 55 об. – 56.
- ⁶⁵ История Свейской войны. С. 465.
- ⁶⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 112.
- ⁶⁷ Рабинович М.Д. Полки петровской армии (1698–1725). Краткий справочник. М., 1977. С. 39.
- ⁶⁸ Татарников К.В. Русская полевая армия 1710–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 132.
- ⁶⁹ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 33. Татарников К.В. Указ. соч. С. 155–156.
- ⁷⁰ Егоров В.И. «Под гербом мекленбургским» в Германии и в России. Гвардия царицы и Мекленбургский корпус 1717–1743 гг. // Наш восемнадцатый век. Военный сборник. М., 2014. С. 94.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ В Священной Римской империи имперская экзекуция (*Reichsexekution*) была связанным с военной силой мероприятием для проведения решения рейхстага или императорских распоряжений. Поскольку императору не хватало необходимых средств для поддержания своей власти, то одному или нескольким князьям империи поручали приведение в исполнение имперской экзекуции.
- ⁷⁴ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 193; Фейгина С.А. Восточные и западные проблемы дипломатии в конце Северной войны // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 44, 47.
- ⁷⁵ Никифоров Л.А. Внешняя политика России. С. 64–70.

- ⁷⁶ Droysen I.G. Geschichte der preussische Politik. Т. 4. Bd. I. Leipzig, 1869. S. 247–248; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII века. М., 2010. С. 10.
- ⁷⁷ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. Ч. III (1715–1723 гг.). С. 126.
- ⁷⁸ См. Hanoverian invasion in Mecklenburg. Action at Walsmuhlen on 5–6 March of 1719 (Электронный ресурс). URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2014/06/mecklenburg-army-in-march-1719.html>
- ⁷⁹ История Свейской войны. С. 478–479. Гец П.П., фон. Карл-Леопольд герцог Мекленбургский (Заметка к рассказу барона Эйхгольца) // Русская старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 146–148.
- ⁸⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. док. в 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 2. С. 1537–1553.
- ⁸¹ Там же. С. 2389.
- ⁸² Там же. С. 2390.
- ⁸³ Там же. С. 2401.
- ⁸⁴ Там же. С. 2391–2392, 2393.
- ⁸⁵ Там же. С. 2392–2393.
- ⁸⁶ Там же. С. 2394.
- ⁸⁷ Там же. С. 2399.
- ⁸⁸ Там же. С. 2395–2397.
- ⁸⁹ Там же. С. 2400.
- ⁹⁰ Там же. С. 2402–2404.
- ⁹¹ Там же. С. 2405–2406.
- ⁹² Там же. С. 2407–2408.
- ⁹³ Там же. С. 2405.
- ⁹⁴ Нелипович С.Г. Мекленбургский вопрос в начале XVIII века // Наш восемнадцатый век. Военный сборник. М., 2014. С. 105.
- ⁹⁵ История Свейской войны. С. 479.
- ⁹⁶ Курукин И.В. Указ. соч. С. 17–18.
- ⁹⁷ Егоров В.И. Указ. соч. С. 96.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Ч. III. С. 138–139.
- ¹⁰⁰ Всего по состоянию на 20 июля 1719 г. штаб и пять воинских частей Мекленбургского корпуса насчитывали примерно 800 чел. всех чинов, из которых около четверти приходилось на кавалерию. В октябре того же года, в Смоленске, мекленбургцев было уже 700 чел. Остается удивляться, что хотя бы эти остатки герцогской армии добрались до России. Поход их продолжался с февраля 1719 г., жалованья не платили с весны; мекленбургцы шли на Украину потрепанные и усталые, особенно пехота, которая «в весьма разодранном платье и босыми ногами туда марширует», – печально констатировал Лиллиенштрэнг. Привыкший не церемониться со своими полками и тасовать их в зависимости от обстоятельств, Петр повелел все мекленбургские войска свести в один пехотный полк, «понеже ... за таким малолюдством разным полкам быть не для чего». Полковника и остальных офицеров надлежало выбрать из самих мекленбургцев; тех же, кто останется сверх комплекта – распределить по российским полкам на плац-вакансии. Указ этот (от 22 января 1720) вызвал много протестов и не был исполнен.

Лиллиенштрэнг объявил, что должен сначала известить герцога мекленбургского, который отдал свои полки в Россию лишь на сохранение и со временем надеется принять их обратно. Более того, Карл Леопольд поручил ему устно осведомиться, не соизволит ли Царское Величество «помянутых полков дополнить» и употребить пока на русской службе? Однако никаких шагов в этом направлении не последовало, и герцогское войско продолжало неуклонно сокращаться. К мекленбургцам вообще не проявляли особого интереса. Осколки побежденной армии, численностью около батальона, с невнятным статусом, они скорее расценивались как лишняя обуза (чем еще могли быть в России наемные войска, вырванные из привычных европейских условий). Согласно именному указу от 3 июня 1719 г., офицеров содержали наравне с «иноземцами старых выездов» (в более высоком «новом иноземческом» жалованье было отказано), урядников и рядовых – как русских драгун и солдат. Довольствие поступало не всегда своевременно; кроме того, из-за несовпадения российских и мекленбургских штатов некоторым чинам платили меньше, чем они привыкли получать. Местом постоянного квартирования была Украина. В конце 1720 г. полковник фон Лиллиенштрэнг испросил позволение уехать, и команду над корпусом принял подполковник фон Шак (Егоров В.И. Указ. соч. С. 97–99).

¹⁰¹ Там же. С. 99.